

Алиса Клевер

ЖЕНЩИНА
НА ОДНО УТРО

КНИГА ДЕВЯТАЯ

ЩЕДРОСТЬ ПИРАТА

Полночь по парижскому времени

Алиса Клевер

**Женщина на одно
утро. Щедрость пирата**

«Автор»

2016

Клевер А.

Женщина на одно утро. Щедрость пирата / А. Клевер — «Автор»,
2016 — (Полночь по парижскому времени)

Даша Синица и представить не могла, что станет невестой обольстительного красавца Андре Робена. Но прежний беззаботный образ жизни ее возлюбленного обернулся жуткими последствиями для близких ему людей. Давняя мимолетная связь Андре с Одри, вскоре ставшей избранницей его брата, оказалась для всех них бомбой замедленного действия...

© Клевер А., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	15
-----------------------------------	----

Алиса Клевер

Женщина на одно утро. Щедрость пирата

*It's a beautiful lie; it is the perfect denial.
Such a beautiful lie to believe in...¹*

Thirty Seconds to Mars

*Лжецу мы не верим даже тогда, когда он говорит правду.
Цицерон*

*Самое страшное на свете – когда тебя может спасти только чудо.
Дженни Вингфилд. «Возвращение Сэмюэля Лейка»*

* * *

«Он все знает», – сказала я. Паника начисто лишила меня разума, и весь мой хваленый французский выветрился из головы, как легкий дымок от затушенной сигареты. Это был полный провал. Я хотела сказать не это, другое, но разве можно что-то сделать правильно, когда на тебя направлено черное металлическое дуло пистолета? Такая маленькая ерунда, чем-то похожая на сувенирную зажигалку, а парализует так, словно укусил скорпион. Я хотела сказать: «J'apprend tout»², конечно, имея в виду, что такое не скрыть и что, выстрелив, Одри уже не оживит меня. Я собиралась добавить, что вряд ли мое холодное мертвое тело в квартире Андре поможет ей проложить путь к его сердцу, что он отомстит за меня, уколошит эту сумасшедшую с пистолетом в руке. Но вместо этого из моего рта вылетело: «Il sait tout». Значение сказанного несколько отличалось. Различие маленькое, почти незаметное, как между звуками вдоха и выдоха. Но оно оказалось роковым, словно кто-то перевел рельсы на другой путь, по которому летел никем не управляемый поезд под именем Одри Шараф. Теперь мы летели в пропасть.

Сердце стучало как свихнувшийся, сломанный метроном, а время замедлилось и почти встало. Где-то на периферии сознания маячила бессмысленная теперь мысль. «Как же так, почему я ни разу не подумала о ней»? И еще: «Боже, какая же глупость! Изнеженная длинноногая Одри, да заметила ли она меня вообще в тот самый первый день, на вечеринке в доме матери Андре?» Я запомнила ее тогда – она плыла по саду в солнцезащитных очках, вежливо улыбаясь всем и каждому, и никому в особенности. Но у меня ни разу не возникло о ней даже случайной, мимолетной мысли. А ведь маникюр-то французский, тот самый. Её пальцы лежали на рукояти пистолета, обхватив металл, как тонкие змейки.

– Красивый маникюр, только с никабом он как-то не сочетался, – заметила я.

Одри ухмыльнулась и склонила голову, словно раздумывая, выстрелить в меня сразу или подождать, посмотреть еще на то, как я дрыгаюсь у нее на прицеле. Затем она шагнула ко мне и протянула руку – я вздрогнула, когда ее пальцы прикоснулись к моим – ее рука оказалась обжигающе горячей.

---

¹ Прекрасная ложь. Идеальный способ отречься. В такую ложь хочется верить... (англ.).

² Он всё узнает (фр.).

– Какая интересная вещица, – Одри бросила короткий взгляд на мое кольцо. – Черный бриллиант, не каждый день такое увидишь.

– Только не пытайся убедить меня, что в твоей жизни недостает драгоценных камней, – рассмеялась я, но смех прозвучал несколько натянуто, неестественно. Одри не отпускала мою руку, жадно разглядывая кольцо.

– Значит, он научился любить по-настоящему? – удивленно произнесла она. – Или притворяется?

– Вполне возможно, – согласилась я, и Одри согласно кивнула. Я сочла это за хороший знак, наивная. – Отпусти Николь, она тут вообще ни при чем, зачем тебе лишние жертвы? – Мой голос прозвучал спокойно, но результат оказался прямо противоположным. Одри стащила кольцо рывком – так, что содрала кожу на моем пальце до крови. Если бы она могла – я уверена в этом – она вырвала бы кольцо и с пальцем, но белое золото соскользнуло с руки покорно. Одри отбросила мою руку с такой силой, что я чуть не упала.

– А зачем мне лишние свидетели? – полюбопытствовала она. – Что за черт! Вы вообще кто, женщина? – спросила она, отступая на шаг в холл. Затем Одри толкнула ошарашенную, парализованную страхом Николь ко мне. Я выдохнула и огорченно посмотрела на соседку. Николь стояла рядом со мной в своем цветном халатике, её волосы кокетливо кудрявились, в руках она держала тарелку с бисквитами. Соседка была похожа на постаревшую фарфоровую куклу с застывшей улыбкой на губах. В глазах же плескалась паника.

– Даша, – пробормотала она. – Я не хотела... мешать, я только думала позвать тебя на кофе. Я и забыла, что у тебя теперь есть своя кофейная машина. – И Николь чуть не заплакала, глядя на пистолет.

– Он купил ей кофе-машину, представляешь? И кольцо – мое кольцо! – ей отдал. Нет, ну, кто так делает? – фыркнула Одри, обращаясь к Николь, как к старой доброй подруге. – Вы ведь Николь, верно? Живете здесь рядом? Если уж собрались выпить кофе, не стесняйтесь.

Николь посмотрела на меня, словно не зная, как ей поступить, и я тихонечко кивнула.

– Я совершенно уверена, что это кольцо было куплено для меня. Почему ты решила, что оно твое? – спросила я у Одри.

– О, да потому что это все мое! Моя жизнь, а не твоя, неужели не ясно? – вырвалось у нее против воли. – Тебя вообще не должно быть здесь. Ты должна исчезнуть, просто исчезнуть. Все было так хорошо до тебя.

– Но я вряд ли просто исчезну, если ты нажмешь на спусковой крючок, – пробормотала я, и Одри нахмурилась. Я лихорадочно соображала. Ее растерянность, ее бравада – все говорило о том, что она никак не планировала меня убивать сегодня. Еще бы ведь если она следила за нами, то наверняка знала, что Андре запер меня в отеле и запретил уходить. Зачем же тогда она пришла сюда? Ради Андре? – Если ты выстрелишь, тут будет море крови, ужас, полиция и прочее, сама понимаешь. Ты никогда уже не сможешь повернуть время вспять. Слушай, а давай я просто уеду. Хочешь? Исчезну, а ты останешься тут – навсегда. Как хозяйка дома.

– Но ведь ты не исчезнешь, – процедила Одри с жалостью. Она сказала это после долгого раздумья. Может, ей нравится быть в *его* доме в отсутствие хозяина, незримо участвовать в *его* жизни, играть в Андре, как в куклы, пока никто не видит? Ревновать его?

– Я уже давно хочу уехать домой. Если бы ты следила за нами внимательнее, то знала бы это, – бросила я назидательным тоном. – Я ужасно устала от Франции и от Парижа в особенности.

– Что? – вытаращилась на меня Николь. О, бедняжка Николь, ей и в голову не могло прийти, что кому-то может не найтись места в этом древнем городе мечтателей и художников. Я бросила на Николь выразительный взгляд, и она тут же кивнула, тряхнув своими кудряшками,

и посмотрела на Одри. Та вдруг перевела прицел на Николь, и мы с ней, две жертвы, закричали в голос.

– Нет, не стреляй, – кричала я.

– Не может быть! Невозможно! – частила Николь. – Я... у меня на плите рагу, я поставила на маленький огонь, потому что ему еще долго томиться, но если я не вернусь, ведь оно сгорит, разве нет? – Ее слова прозвучали так абсурдно, что Одри расхохоталась и на несколько мгновений опустила пистолет.

– Конечно, сгорит, – сказала она, и в ее глазах вспыхнула ярость. – Все сгорит. Настал ваш персональный апокалипсис. Вы понимаете, что это судьба, Николь? Зря вы пришли сюда сегодня. Очень неудачное время и место для вас.

– У нас очень хороший дом, – пробормотала Николь, бледнея и трясясь всем телом.

– А твое имя – Одри – настоящее или выдуманное? – спросила я просто для того, чтобы продолжить разговор и оттянуть роковой момент выстрела. – Это полное имя или сокращение? Я никогда не спрашивала, ведь ты не очень-то часто с нами общалась, хотя, как я теперь понимаю, почти всегда была рядом. Незримо присутствовала, так сказать. Так что насчет имени? Эдилфрида? Я слышала, что оно произошло от мужского имени. Так, может, Этельдред? Олдред?

– А ты отчаянная штучка, – Одри отдала должное моей наигранной смелости. – Хорошишься? Ну-ну.

– Нет-нет, штучка. – это ты. Никогда бы не подумала, что ты знаешь, как носить все эти мусульманские тряпки, я думала, что за мной ходит какая-то старая ведьма. Мне вообще казалось, что я все это придумала. Но потом ты меня чуть не сожгла заживо. Теперь-то я все поняла.

– Серьезно? – злобно усмехнулась Одри. – Ты все поняла? ВСЕ?

– Больше, чем ты думаешь, – сказала я.

– Просвети меня, если хочешь, – пожала она плечами. – Пока Николь сделает нам кофе. Пусть это будет последнее желание, а?

– Тогда мне с молоком, – заявила я. – Впрочем, ты и так знаешь, какой я предпочитаю кофе.

– Это верно. Мерзкое латте. – Одри перевела пистолет на Николь и слегка махнула им, показав на кухню. Николь шла медленно, делая каждый шаг с таким трудом, словно преодолевала расстояние в одну доску между пиратским кораблем и океанской бездной.

– Точно! – кивнула я. – Так что ты хочешь знать, Одри? Сколько тебе дадут за убийство? Я не юрист и не знаю точно. Может быть, тебя поджарят на электрическом стуле?

– Ты плохо образована, – улыбнулась Одри, краем глаза продолжая следить за Николь. Та трясущимися руками держала стеклянный кувшин, наливая воду, переливала ее в кофеварку. – Франция – цивилизованная страна, и смертной казни тут нет. Кроме того, я не собираюсь даже в тюрьме гнить. У меня, знаешь, что-то вроде лицензии на убийство, как у Джеймса Бонда. Мне все можно. И мне ничего не будет. Такие дела.

– Это не так, – сказала я, стараясь подладиться под тембр голоса Одри, под ее ритм. Где-то внутри меня плескалась ясная, холодная мысль: «Она не станет тебя слушать вечно. Тебе нужно что-то делать». Прыгнуть? Попытаться выхватить пистолет, как это постоянно делают герои фильмов? Спасти хотя бы Николь, ибо меня Одри точно успеет застрелить, будь она неладна. Тянуть время было сложно. Мысли пересыхали, как реки от засухи. Я знала, что нужно что-то говорить, что угодно. Николь включила машину, и кофеварка громко зажужжала, заставив всех нас троих подпрыгнуть. Нервы на пределе. И тут я допустила ошибку, сказав:

– Il sait tout. – И замолчала, запоздало осознав, что перепутала французские слова. Я смотрела на Одри, а по ее лицу вдруг прокатилось выражение такой паники, словно за моей спиной она вдруг увидела ураган или спираль убийственного торнадо.

– Что? – спросила она, но голос ее подломился от волнения, и звук вышел нечетким.

– Il sait tout, – повторила я уже намеренно, разделяя слова и расставляя ударение на каждом слове. – Il... sait... tout. Тебе от него не уйти. И, если только ты знаешь его достаточно хорошо, сама это понимаешь. Ты ведь понимаешь, да? Он отомстит за все, что ты сделала.

– Ты не можешь знать, ты ничего не знаешь! – Она испугалась резко, сильно, до дрожи в теле. Сумасшедшая, сумасшедшая, никаких сомнений – она оглянулась вокруг себя, и взгляд ее стал диким, звериным. Неизвестно, почему, но теперь она смотрела на меня как на призрак, как на ангела мщения, пришедшего, чтобы назвать час ее Страшного суда.

Неожиданно Одри закричала, а сама попятилась, отходя в глубь гостиной. Я пошла за ней, хотя внутренний голос в панике кричал, что нужно бежать. Нет, только не бежать. Бежать нельзя. Нельзя разворачиваться спиной, когда перед тобой хищник.

– Но ты же видишь – я тоже все знаю, Одри Шараф. Андре рассказал мне. Он знает абсолютно все. И про статью, и про поджог. И даже про Сережу. Тебе не спастись, – добавила я, стараясь придать своему выступлению максимальную убедительность. Одри вдруг затрясло, словно в лихорадке, и она вскинула пистолет. Все. Я доигралась. Ей теперь нечего терять, и сейчас она выстрелит. Ей все равно. Она только хочет разделаться со мной.

– Но... как? – жалобно спросила она, и в выражении ее лица промелькнуло что-то беззащитное, детское и в то же время безумное, что-то от маньяка. – Это невозможно! О господи, надо было действовать более предусмотрительно! – Одри отвернулась и принялась лихорадочно мотать головой в попытке – явно безуспешной – понять произошедшее. Она окончательно свихнулась – от страха. Внезапно Одри повернулась и бросилась ко мне. Она схватила меня за плечо одной рукой, а другую – с пистолетом – приставила к моему виску. И вдруг Одри принялась трясти меня, как набитую опилками куклу. Ее когти, как острые ножи, впились мне в плечо, и я закричала от боли. – Он убьет меня! Что же теперь делать, ты не понимаешь, чего ты натворила, идиотка? Зачем ты пришла сюда сегодня? Я тебя ненавижу, ненавижу!

Одри паниковала – и в этом было мое небольшое преимущество, во всяком случае, до того момента, пока эта чокнутая не нажмет на спусковой крючок. Дуло пистолета она с упорством вдавливала мне в кожу. Но мне вдруг стало все безразлично. Я устала бояться.

– Отпусти меня, ты, свихнувшаяся сука! – отчеканила я для разнообразия – на русском. Боль от впившихся в мои плечи когтей была ужасной, но она и отрезвляла, придавала силы. Звуки русской речи, кажется, загипнотизировали Одри. Она замерла на месте, сверля меня глазами. – Отпусти!

– Отпусти ее, наконец! – раздался голос из-за ее спины, и страшный удар кувшином по голове заставил Одри ослабить хватку. – Господи, прости! – Николь стояла и смотрела, как пошатнувшись, Одри сначала раскинула руки, а затем обернулась к кухне, одновременно приложив холодную рукоятку пистолета к месту удара. Я испугалась. Как она еще стоит на ногах? Что, если этого недостаточно, чтобы остановить ее? Но вот Одри сделала неуверенный шаг назад и споткнулась о край шелкового ковра, на котором стоял кроваво-красный диван, мой необитаемый остров.

Раздался выстрел, и тело Одри мешком рухнуло на пол. Выстрел в потолок был последним, что сделала Одри перед тем, как потерять сознание.

* * *

Когда приехала полиция, мы с Николь сидели на полу, обнявшись друг с другом, и рыдали. Неподалеку от нас, крича и брыкаясь, лежала связанная ненадежным бытовым скотчем невеста Марко, светская львица и совершенно чокнутая, больная на всю голову – для нас с Николь это было очевидно – Одри Шараф. Пистолет лежал в другой стороне комнаты. На полу валялся, засыпав паркет белым крошечком, кусок штукатурки, отстреленный Одри во время ее случайного выстрела.

– Кто эта женщина? – Это был первый вопрос, который задал мне полицейский.

– Свихнувшаяся сука, – прорычала я по-русски и попросила забрать у нее из кармана мое обручальное кольцо. Когда полицейские попытались поднять Одри, она закричала и завывала, как пойманный в ловушку койот. Она орала с удесятенной силой, не реагируя ни на какие просьбы полиции. Звук был страшным и парализующим, даже бригада полиции застыла в немом изумлении. Так смотришь на лавину, которая летит на тебя, и ты знаешь, что оставаться на месте смертельно опасно и нужно убираться подобру-поздорову, но что-то удерживает, и ты завороченно смотришь на безумие природы, пока не накроет с головой.

Одри увезли, нас с Николь тоже. Врачи «Скорой помощи» осмотрели нас и вкололи мне что-то в плечо. Я плохо реагировала, толком не отвечала на вопросы, то и дело норовила снова начать рыдать. Шок, сказали они.

Андре нашел меня в полицейском участке через несколько часов. Я не знала точно, который шел час, но за окном уже стемнело. Николь уехала, а я сидела в коридоре одна. Просто сидела, подтянув ноги на стул прямо вместе с обувью. Я обнимала колени, уткнувшись носом в руки. Закрыв глаза, пыталась осознать волнующую, кажущуюся невероятной мысль. Ее поймали и увезли. Я свободна. Жива и свободна. Я не знала, что мне делать и куда идти. К тому же я смертельно устала. Полицейские проходили мимо меня, но с расспросами не приставали, хотя и косились. Мои показания уже занесли в дело, и я им была не нужна.

– Ты цела! Господи, я тебя сейчас прибую, – закричал Андре, увидев меня, – бледную немощь, скрючившуюся на неудобном стуле в позе зародыша. – Ты зачем ушла из отеля?

– Андре! – всхлипнула я, безвольно позволяя ему завладеть моими руками и губами, давая ему возможность убедиться не на словах, а на деле в моей целостности и сохранности. Андре не останавливаясь, осмотрел меня всю – с ног до головы. Врач, он же врач, вспоминаю я.

– Так это была Одри? Скажи мне, что она с тобой сделала? – Андре стоял с таким уставшим видом, словно не спал неделю и, пожалуй, только что вышел из запоя. Под глазами темнели круги, он был бледен и измотан. В нем не угадывалось и следа от его привычной легкости, во взгляде же не осталось ничего, кроме страха. Я ждала от него насмешливых шуток, соскучившись по его беззаботной любви, но Андре крепко держал меня за руку и смотрел на окровавленную фалангу пальца моей руки. Я вспомнила, как Андре, все же являясь европейцем, надел кольцо на мою левую руку. В России так носят кольца только вдовы, и, когда я подумала об этом, мне стало не по себе.

– Ничего. Она ничего со мной не сделала. То есть она, конечно, чуть не убила меня пару раз, но...

– Только не говори, что теперь все позади, – процедил Андре, зло глядя в сторону двери.

– Почему? Ведь все же позади? – Я испугалась, и Андре понял это с опозданием.

– Нет-нет, не волнуйся. Несомненно, все кончено, все позади. Господи... Я просто пытаюсь осознать случившееся и... это сложно. Одри, серьезно? Женщина в парандже? – Андре

беспомощно посмотрел на меня, и я протянула руку, убрала спутанные темные волосы с его лба. – Расскажи мне все. Ты уже говорила с полицейскими?

– Я только и делаю, что говорю, – нахмурилась я. – Она забрала у меня кольцо, но мне его не отдали. Сказали, что теперь это вещественное доказательство. Мое обручальное кольцо. Доказательство. Кажется, все, что у меня есть, перекочевало в отделение вещдоков. Может, мне и самой там поселиться? Чего тянуть, все равно этим кончится. Буду лежать с инвентарным номером, привязанным к большому пальцу на ноге. Знаешь, таким, как на трупах...

– Типун тебе на язык. Да и черт с ним, с кольцом! – вскрикнул Андре. – Я тебе хоть десять куплю.

– Нет, не надо мне десять, – покачала головой я, и впервые за все это время вдруг улыбнулась. Улыбка вышла слабой, усталой, какая бывает у спасенных пассажиров потерпевшего аварию самолета. Осознание того, что я осталась цела только чудом, теперь заставляло меня все на свете чувствовать острее и ярче. Словно я находилась под воздействием своеобразного вещества, произведенного моим собственным организмом.

– Даша, ты уверена, что это была Одри?

– Думаешь, я ее с кем-то спутала, когда она мне к виску пистолет приставила? – расхохоталась я, чего уж там, с истерическими нотками. – Ты, конечно, прав, Андре, я-то эту Одри почти не знаю, еле вспомнила ее имя. А вот ты ее знаешь, и куда лучше, чем я думала. Да? Да?! – Я перестала смеяться и посмотрела на Андре. Я жаждала получить ответ и боялась его услышать. Так стоят в задумчивости над крышкой ящика Пандоры. Открывать или не открывать? Но он уже был открыт, оставалось лишь наклониться немного вперед и заглянуть внутрь.

– Что ты имеешь в виду? – пробормотал Андре, отпуская мою руку, и я тут же поняла, что попала в точку. Кровь прилила к лицу, я вывернулась из его рук, подтянула ноги и снова закрыла лицо ладонями. Говорить не хотелось. Ничего не хотелось, разве что завывать, как это недавно сделала Одри, когда ее схватили.

– Нет-нет-нет. – Андре пытался отвести мои ладони от лица, пока я сопротивлялась, не замечая текущих по лицу слез. – Не надо, родная, не надо, ты не так все поняла.

– Я ничего не поняла, Андре! – воскликнула я, вскочив со стула. Я отшатнулась от него, но он не позволил мне убежать дальше по коридору.

– Я все расскажу, все, обещаю. Ты получишь ответы на все вопросы.

– Известное известно немногим, как говорил Аристотель, – заметил кто-то рядом с нами подчеркнуто любезным тоном. Мужской голос из глубины коридора в полицейском участке показался мне грустным и обманчиво спокойным, но было достаточно одного взгляда на Марко, чтобы понять – он в ярости, внутри его неуправляемая ядерная реакция.

– Марко, ты? – изумленно спросил Андре.

– Бессмысленный вопрос, не кажется тебе? Ну-ну, успокойся, брат. Ты похож на воришку, пойманного с поличным. Где же мой кошелек, Андре? О, я ведь тоже – очень даже – жажду получить ответы на все вопросы. Что именно ты хочешь рассказать Даше и не стал рассказывать мне? Что-то о моей невесте, так полагаю?

– Мне так жаль, поверь.

– Верю, – кивнул Марко. Повисла пауза, растерянный и потрясенный, Андре смотрел на брата и молчал. Я подумала – как странно, что я забыла о нем. Ведь Марко – человек, которому я должна была бы позвонить первому. Жених Одри, уважаемый адвокат, успешный человек, добившийся всего сам, ожидавший от жизни только признания и без того очевидных фактов – он смотрел на нас как на призраков, и его глаза тоже ввалились и утонули в темно-сером контуре. Марко смотрел на Андре взглядом раненого зверя, и я моментально поняла, что так между ними было всю жизнь, возможно, с самого рождения Андре. Потерянный трон, извечная судьба старшего брата. Каин и Авель тоже были братьями, и сейчас Марко чувство-

вал, что Андре вонзил ему кинжал в спину. – Тебе всегда жаль, но ведь это ничего не изменит и не исправит.

– Я не думал, Марко, что это когда-нибудь всплывет. Это было давно и ничего не меняет.

– Думаешь? Ты, наверное, удивишься, но я совсем не согласен с тобой. Я встречался с адвокатом Одри! С ее адвокатом, но не с ее отцом, которого, как ты знаешь, я всегда уважал. Мы виделись с ним пару недель назад, планировали свадьбу, рассчитывали расходы. Он вызвался оплатить торжество, несмотря на мои возражения. Это такая традиция, свадьбу оплачивает семья невесты, а семья Шараф уважает традиции. Хотя и новым веяниям не чужды.

– Марко... – попытался вклиниться Андре, он протянул руку и положил ее на плечо брата, но тот резко дернул плечом, сбросив ладонь. Затем Марко запустил обе ладони в волосы, пригладил их и выпрямился.

– Ее отец отказался со мной встречаться, они запретили мне приходить к Одри в тюрьму. В тюрьму, Андре! Я не могу поверить, что произношу в одном предложении имя Одри и слово «тюрьма». А ты?

– Мне тоже не просто в это поверить, – отвернувшись, пробормотал Андре. – Я и подумать не мог.

– Странно, что ты не подумал об этом, не правда ли? Ты ведь спал с Одри, не так ли? Никого не пропускаешь. И как же ты не подумал, что я, твой брат, ее жених, имею право знать о таких вещах? – вопросы были риторическими, не требующими ответа. Боль и отчаяние разьедали Марко, делали его слепым и глухим ко всему. – Мне вообще кажется, что все, сказанное мне сегодня, – дурной сон. Может быть, я ослышался? Одри пыталась убить твою русскую женщину?

– Не стоит говорить так, словно меня тут нет, – напомнила я.

– Ничего личного... – пробормотал Марко, избегая моего взгляда. Теперь, когда нужно было выбирать между мной и рушащимся миром, он и сам, пожалуй, предпочел бы застрелить меня, если этим можно было бы сохранить все.

– Тут все личное, – возразила я. – Я стояла перед ней, и она целилась в меня из пистолета. Одри Шараф. В светлом платье, с загорелыми руками. Может мне кто-нибудь объяснит это?

Я покачивалась, не вставая с обшарпанного сиденья, сцепленного с другими – лавка в коридоре полицейского участка была антивандальной. Марко медленно повернулся ко мне и посмотрел на меня так, словно я была его врачом, только что объявившим, что у него рак.

– Я никогда этого не пойму, – сказал Марко, а затем сел рядом со мной, положил руки сверху на мои ладони и закрыл глаза. Андре стоял рядом с нами, как нежеланный, явившийся без приглашения гость. Мы с Марко оказались отделенными от него невидимой чертой, как куполом из романа Стивена Кинга, в котором жители некоего провинциального городка оказались отрезанными от внешнего мира. Конечно, в какой-то степени мы были несправедливы по отношению к Андре, но нам с Марко было наплевать – сейчас мы меньше всего думали о справедливости.

* * *

Позже мы сидели в парке, на облупившейся за лето скамейке – из старых, деревянных – и смотрели на голубей. В парижских парках всегда находились доброхоты с булочками в руках – для птиц, конечно. Те слетались стаями, заходили спереди и сзади, даже садились на колени местных клошаров в расчете на лучший кусок или, вернее сказать, на лучшие крошки. Я автоматически следила за птицами, соскальзывала взглядом с одной на другую, умышленно вытесняя из сознания – почти до конца – то, что в это время происходило между нами. Андре

говорил, Марко молчал, опустив плечи – он сидел, как Роденовский мыслитель, глядя прямо перед собой, но, кажется, не замечая голубей.

– Мы встречались где-то с неделю несколько лет назад, – сказал Андре после долгой паузы. – Я даже не сразу вспомнил.

– Конечно, куда уж тебе, при твоём-то образе жизни.

– Ты демонизируешь меня, – покачал головой Андре, а Марко горько усмехнулся.

– Несколько лет назад – это когда? Где вы познакомились? При каких обстоятельствах? Только не вздумай отмахнуться от меня всяким вздором о том, что мне лучше не знать этого. Я хочу знать! Ты должен был...

– Я знаю, я должен был, – кивнул Андре, хотя тон его контрастировал со сказанным. Он говорил агрессивно, будто нападал. – Только вот уловить не могу, когда я должен был это сделать? Одри появилась совершенно внезапно, в окружении своей родни, с отцом, с тобой – и сразу же в качестве твоей девушки. Не где-нибудь, на рождественской вечеринке. Ты помнишь это? Вы сияли от счастья, ты представлял меня её семье. На ней были наши фамильные рубины, которые, как я считал, мать никому никогда даже в руки не даст. Мне кажется, это вы меня исключили из уравнения.

– Мы... Да, ты прав, – прошептал Марко, мотая головой. – Я не хотел... Ты всегда так нравился женщинам. – Он вскинул голову, и его простое, хотя и не лишённое привлекательности мужское лицо исказила гримаса, словно он съел что-то горькое. – Тебе трудно это понять.

– Я попробую, – процедил Андре сквозь зубы. – Ты думал, что я уведу у тебя девушку?

– Думаешь, если бы ты не стал этого делать из жалости ко мне, это бы что-то изменило? – Марко разозлился. – Если бы она ушла от меня сама, и ты смог бы сказать, что ты тут ни при чём? Веселая, юная девушка с легким характером, к тому же из хорошей семьи. Я знал, что стоит тебе подойти к Одри, сказать ей пару фраз, предложить коктейль, и наша с ней история закончится. Да будь моя воля, я бы познакомил вас посмертно! Впервые в жизни я не хотел знакомить девушку со своим братом.

– Впервые в жизни ты повел себя не как напыщенный индюк, а как перепуганный, зарывшийся в песок страус! И вот итог – мою девушку чуть не убили!

– Андре, перестань! – крикнула я, но оба мужчины посмотрели на меня, как два льва, оторванных нелепым сурикатом от боя.

– А почему так произошло? Да потому что – вот незадача! – Одри уже была знакома с тобой! И за два года ты не нашел способа дать мне знать? Так просвети меня хотя бы теперь. Где вы познакомились?

– Не думаю, что теперь это что-то изменит. Станет только хуже. Разве важно сейчас, где и как?

– Важно! – гаркнул Марко. – Теперь – особенно важно, если хочешь знать. Я прожил столько времени с призраком, можешь ты теперь подсветить мне хотя бы часть этого побоища, которое оставил после себя?

Он говорил, словно бил наотмашь прямо по лицу – ладонью, со всего размаху. Андре побледнел, а затем отвел глаза и кивнул, не найдя ни одного аргумента, чтобы промолчать. Я дрожала всем телом и мечтала оказаться за тридевять земель от этого места.

– Мы познакомились с ней... Не важно где и когда, – пробормотал Андре. – Давно. Я мог бы сказать, что это было ничего не значащей ерундой, и это было бы почти правдой – особенно если послушать её, Одри. «Это ничего не значит», – так она говорила. Но, как оказалось, это имело значение для неё. Я помню это странное чувство – будто меня опоили, и я совершенно не в состоянии управлять собой. Девушка из хорошей семьи? Легкий характер? Для меня она

была другой. Самое дикое, запретное, что есть в людях – она находила это, доставала на свет и любовалась как произведением искусства. Я чувствовал, что с нами что-то не так – и со мной лично в первую очередь, но я не мог и не желал останавливаться, – Андре замолчал, и в воздухе повисла раскаленная, напряженная пауза. На лице Марко была гримаса отчаяния, но он по-прежнему держал себя в руках.

– Так, значит, это продолжалось неделю? – спросил Марко, когда пауза стала невыносимой.

– Наверное. Может, чуть больше. Мне кажется, мы не были трезвы и минуты в то время. Я тогда сильно поругался с матерью и хотел досадить ей.

– Ты всегда хотел досадить – ей или мне, без разницы. А лучше обоим. Иногда мне кажется, что весь твой жизненный выбор продиктован этой целью.

– Ты, конечно, шутишь, – вскинулся Андре.

– Больше недели. Такое, точно, не забывается.

– Нет. Конечно, нет. Но можно запихнуть все подальше, в самый угол чердака, и не залезать туда.

– Ты прекрасно справился с этой задачей! – почти выплюнул Марко с отвращением. – Тебе не приходило в голову, что рано или поздно это всплывет? Что было бы, если б я узнал об этом после нашей с Одри свадьбы? Или когда у нас уже были бы дети? Ты ни о чем не думал!

– Я не знаю. Каждый раз, когда я сталкивался с нею взглядом и видел, какой равнодушной, погруженной в себя светской дамой она стала, мне казалось, что я вообще все придумал. Просто нафантазировал. И еще почему-то я никогда не верил, что у тебя с ней все серьезно.

– Это было серьезно! Черт! – Марко вскочил и пнул валяющийся неподалеку мусорный пакет, да так, что тот перекувырнулся и отлетел, как мячик.

– Я и оказался-то там случайно, – заметил Андре и выразительно посмотрел на брата. Так они и сидели, разглядывая друг друга, как два солдата враждующих армий. И вдруг Марко дернулся и сел так, словно невидимый учитель потребовал от него немедленно выпрямить спину, затем он с чувством хлопнул себя по колену.

– Кап Даг, да? Место, где можно узнать человека поближе в первые же пять минут? – истерически расхохотался Марко. – Как я не понял сразу! Господи, ну, конечно! Вот почему ты никогда не говорил о той поездке. О чем-то другом – пожалуйста, даже со смехом, но не о Кап Даге. Вы ведь познакомились там?

– О какой поездке? – полюбопытствовала я. – Что за Кап Даг? Вы говорите об этом месте как о преисподней какой-то.

– Марко! – Андре посмотрел на брата взглядом, значения которого я понять не могла, даже если бы и хотела. Но Марко, кажется, остался глух к аргументам, переданным телепатически. Он повернулся ко мне и потер ладони. Я поняла, что Марко прав, семя зла было посеяно именно там.

– Кап Даг – это город-курорт на побережье Средиземного моря. Милое местечко, если судить по фотографиям, я-то там лично никогда не был, мне бы и в голову не пришло в такие места ездить. Не очень люблю ходить голым на людях, знаете ли. Еще меньше люблю смотреть на голых людей, пьющих пиво в уличных кафе. Но в Кап Даге так принято. Мы во Франции воспеваем свободу, и такие места – квинтэссенция нашей свободы. Иногда мне кажется, что именно поэтому у нас в Европе так много террористов. Значит, Одри была там с тобой?

– Она тогда как раз окончила колледж, – произнес Андре после долгой тяжелой паузы. – Я понятия не имел, кто она и из какой семьи. С ней было много ребят, наверное, весь ее курс. Приехали на большом автобусе. Да не важно! Какое это имеет значение теперь?

– А еще в Кап Даге в большом количестве изобилуют ночные клубы 18+, специально для людей, которые хотят просто повеселиться, – продолжал рассказывать тоном заправского экскурсовода Марко. – Закрытые вечеринки, своего рода мероприятия по интересам. Другими

словами – оргии. Значит, моя невеста, с которой я собирался обвенчаться, будущая жена политика, возможно, мать моих детей, наследников нашей династии – рано или поздно появилась бы на первой полосе Ici Paris? Тебя такая перспектива не смутила? Впрочем, кого я спрашиваю, тебя же не смущает собственная фотография со своей невестой в том же Ici Paris.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.